

УДК 82.09

ББК 83.3

Е. М. Захарова

Между критикой и наукой: исследовательская традиция Б. М. Эйхенбаума в восприятии И. Б. Роднянской⁴²

***Аннотация:** с целью постижения методологических установок И. Б. Роднянской принципиально выяснить, как в ее работах соотносятся «научность» и «субъективизм». Наиболее репрезентативным для этих задач материалом станет анализ диалога литературного критика с филологом, а именно: пристальный взгляд на то, как исследовательская традиция Б. М. Эйхенбаума проявляется в восприятии Роднянской.*

***Ключевые слова:** поэтика, формальная школа, теория литературы.*

***Abstract:** in order to understand methodological laws of I. B. Rodnyanskaya, it is important to find out how «science» and «subjectivity» are correlated. The most preferable material for this task is an analysis of the dialogue between a literary critic and a philologist. It requires a close look at the perception of B. M. Eichenbaum's research tradition by Rodnyanskaya.*

***Key words:** poetics, formalism scholar, theory of literature.*

Данная статья посвящена осмыслению одного из аспектов творчества современного литературного критика Ирины Бенционовны Роднянской, чье наследие продолжает пополняться работами по разным областям гуманитарного знания. Причастность материала исследования текущему литературному процессу вынуждает остановиться на нескольких предварительных замечаниях. В литературоведении доминирует мнение о том, что объектами

⁴² Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счёт гранта Российского научного фонда (РНФ, проект №17-18-01432-П).

рассмотрения здесь в первую очередь могут становиться факты, изменение которых невозможно, так как от изучающего субъекта их отделяет хронологическая дистанция. М. Бондаренко в статье «Текущий литературный процесс как объект литературоведения» подчеркивает, что между осмыслением становящегося или уже устоявшегося явления существует немало отличий. И поэтому объектом научного изучения может стать только завершённый феномен, находящийся «на определенной исторической дистанции» [1, с. 57], — указывает исследовательница на традиционный для литературоведения взгляд.

Приближение к работам Роднянской именно с научных позиций своевременно, поскольку уже сейчас возможно и необходимо целостное постижение творческой системы критика. Корпус текстов Роднянской насчитывает свыше ста рецензий, статей, книг. Разнообразные, как с точки зрения жанра, так и по содержательному наполнению, литературно-критические высказывания на данном этапе представляется возможным классифицировать по ряду признаков и подвергать дальнейшему анализу.

На пути к теоретическому описанию литературно-критической системы Роднянской неизбежным шагом станет поиск ответа на вопрос о ведущей тенденции в изучаемых текстах. Определяя характер собственной деятельности, Роднянская избегает категоричности: «Я, литератор, которого на сайте Пушкинской премии, кажется, квалифицируют как филолога (хотя, в сущности, я литературный критик с отдельными вылазками в классическую литературу и в философию)» [5].

В двухтомном собрании статей критика «Движение литературы» (2006) постоянно встречаются отсылки к наследию Б. М. Эйхенбаума. Влияние школы формализма очевидно, однако Роднянская не только развивает идеи предшественников, но и нередко полемизирует с ними. Однако размышления о рецепции научного наследия Эйхенбаума приводят нас к вопросу о том, в какую сторону, собственно, — литературно-критическую или научную — склоняется дискурс самой Роднянской.

В 2006 г. было издано наиболее полное собрание статей Роднянской в двух книгах, где нередко встречаются отсылки к таким работам Эйхенбаума, как: «Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки» (1924), «Мелодика русского лирического стиха» (1922). Собеседник Роднянской здесь — Эйхенбаум-стихoved, а также исследователь творчества М. Ю. Лермонтова.

В статье А. М. Штейнгольд о природе критики говорится, что данному виду литературной деятельности изначально присуще такое свойство, как диалогичность. «Анализ и оценка художест-

венных произведений в статье совершаются в процессе диалога с читателем» [10, с. 61], — утверждает исследовательница и подчеркивает, что в данном диалоге принимать участие могут также оппоненты критика и в отдельных случаях сами авторы произведений. В текстах Роднянской, где прямо или косвенно цитируются труды Эйхенбаума, участником диалога выступает качественно новое лицо: представитель традиции или научной школы, чье литературоведческое наследие служит опорой для высказывания критика. «Слово и “музыка”» (музыкальность стиха в понимании А. Белого и А. П. Квятковского), «Герой лирики Лермонтова», «Демон ускользающий», — в каждой из этих статей значимое место занимает обращение Роднянской к мыслям Эйхенбаума. Можно заметить, что перечисленные работы и стилистически, и методологически в большей степени сближаются с научными суждениями. Акцент на фактах, ставших историей литературы, включение такого компонента, как история вопроса, а также обилие строго оформленных затекстовых сносок приводят к трансформации литературно-критического суждения Роднянской. Жанровая принадлежность текстов занимает переходное положение между критикой и наукой. Изменения могли быть продиктованы и условиями исходной публикации. Из рассматриваемых статей только две впервые появились в традиционном для литературного критика контексте: в сборнике статей и «толстом» литературном журнале «Новый мир». Первоначальное появление остальных текстов состоялось в одном случае на страницах научного периодического издания по истории и теории литературы [13, с. 140–163], а в другом — в составе персональной литературоведческой энциклопедии [12, с. 258–262]. Для большинства рецензий и «толстожурнальных» статей Роднянской не характерно прямое обращение к результатам деятельности влиятельных исследователей-литературоведов. Таким образом, присутствие научных компонентов не в последнюю очередь обусловлено внешними обстоятельствами появления текста, а диалог литературного критика с исследовательской традицией Эйхенбаума объясняется законами жанра, в рамках которого появляется высказывание.

Отношение Роднянской к выдвигаемым представителями формальной школы принципам нельзя назвать однозначным, в то время как деятельность Эйхенбаума в целом оценивается положительно. Однако можно выделить и эпизод, где сказанное Эйхенбаумом неоднозначно воспринимается Роднянской. Так, рассуждая о тезисе Эйхенбаума относительно главенства музыки над смыслом в лирическом стихотворении, литературный критик подкрепляет свои сомнения ссылкой на работу ученого, посвятившего данному

вопросу книгу «Мелодика русского лирического стиха» в 1922 г.: «Недаром из некоторых деталей глубокого исследования Б. Эйхенбаума о мелодике русского стиха можно сделать тот обескураживающий вывод, что Фет писал нечто вроде небрежных “подтекстов” к своим совершенным стиховым мелодиям» [6, Т.2, с. 376]. В то же время размышления Эйхенбаума о бардовой природе героя лирики Лермонтова во многом служат для Роднянской фундаментом в построении дальнейших рассуждений по этому поводу: «Лирический герой должен был утратить свою нацеленную в будущее и вторгающуюся в миропорядок “судьбу”, но сохранить за собой — в форме многозначительных намеков и иносказаний — личную предысторию, свое прошлое, неподвижно стоящее за плечами и дающее право судить о болезнях века изнутри, из собственного катастрофического опыта. Эта оценочная дистанция в зрелой лирике Лермонтова зафиксирована ролью трагического “барда”» [там же, т. 1, с. 48]. Как видно, суждения Эйхенбаума о закономерностях поэтики стихотворений Лермонтова для Роднянской служат опорой и в отдельных случаях отправной точкой для собственных мыслей: «По точному наблюдению Б. М. Эйхенбаума, Лермонтов заимствовал у народной песни не стиль, а подход к предмету <...> В песне Лермонтова привлекала неразрывность сообщительности и иносказательности» [там же, с. 56]. Развитие идей Эйхенбаума позволяет критику вырабатывать и собственную интерпретацию текста: «Если справедливы слова Б. Эйхенбаума о том, что поэтика Лермонтова предполагает “быстрого” читателя, единым порывом проносающегося сквозь темные и запутанные места, то наблюдение это в первую очередь можно бы отнести к “небесно-земному” символизму “Демона”» [там же, с. 70–71]. Важно, что Эйхенбаум не остается единственным собеседником Роднянской, так как в диалог вовлекаются Б. В. Томашевский, Г. А. Гуковский, Л. Я. Гинзбург и многие другие ученые. Так, в рассуждениях о природе метра в свободном стихе приводится мнение одного из представителей русского формализма: «Ю. Н. Тынянов выдвигает моторно-энергетическую гипотезу: стихи в верлибре или в “вольных ямбах” соизмеримы, потому что на каждый стих мы затрачиваем известный равный эквивалент работы» [там же, с. 373].

Энциклопедическое наполнение статей и осведомленность о развитии отечественного филологического знания свидетельствуют о глубокой укорененности Роднянской как исследователя в поле историко- и теоретико-литературных достижений. Данный тезис подтверждает и статья Н. В. Володиной и Е. В. Калининой об особенностях метода Роднянской. Так, например, в исследовании показано, как в высказываниях Роднянской отражаются идеи

М. М. Бахтина [3, с. 66]. Более того, известно, что в становлении литературного критика не последнюю роль сыграло знакомство с трудами формалистов: «В студенческие годы, с 52-го по 56-й, я засела в читальный зал Ленинки и читала разрешенное, но отодвинутое в сторону. Так я набрела на ОПОЯЗовцев и даже стала конспектировать Шкловского и Эйхенбаума» [2]. По воспоминаниям Роднянской, именно с этих шагов началось самообразование и знакомство с методологическими подходами к художественному произведению. Впоследствии именно этот сформированный багаж филологических знаний стал опорой для компетентной литературно-критической оценки. «Что касается литературной критики <...> я, по чести, не вижу никакой специальной границы между литературоведением и ею. Ну, можно сказать, что критика как жанр журнальный в отличие от литературоведения, имеющего более специализированный адрес, стилистически непринужденнее, эссеистичнее»; «между критиком и литературоведом не может быть неодолимой границы» [6, т. 1, с. 10–11] — этими словами объясняется пограничное положение статей литературного критика. Свободный переход Роднянской от собственно критических жанров к академическим и возникновение пересекающихся между ними сторон может быть вызван самостоятельным истолкованием специфики литературоведения: «...само это слово — литературоведение — чрезвычайно искусственно»; «литературоведом является всякий, кто пишет нехудожественные (не беллетристические) тексты о художественной литературе» [там же, с. 7]. Существенно, что Роднянская отказывает литературоведению в праве на научность, ибо предпочтительнее, считает критик, определять данный вид деятельности как дисциплину, то есть «область некоторого знания», а также «как дисциплину прочтения, а не произвол прочтения» [там же, с. 8].

Одновременно с этими высказываниями Роднянская не перестает подчеркивать, что окончила Библиотечный институт, из-за чего не специализировалась в узкой филологической области: «Я дилетант и никогда не числила себя в литературоведах» [там же, с. 10–11]. Однако несколько работ для словарей и энциклопедий («встречи с Лермонтовым, Достоевским, неожиданно — с Блоком» [там же, с. 12]) критик относит к литературоведению, подчеркивая при этом изначальное давление внешних факторов на их появление: «...конкретное стечение обстоятельств диктовало предмет занятий, их русло: если, допустим, тебя не печатают в журналах, а предлагают писать для “Лермонтовской энциклопедии”, то статей двадцать я туда и написала. И с занятиями теорией литературы — то же самое» [там же, с. 12]. Но стоит заметить,

что постулируемый критиком подход к анализу художественного целого продиктован собственными эстетическими и мировоззренческими установками. Так, центр литературоведения, считает критик, находится в «герменевтике и экзегезе», а «пребывание одновременно и внутри и вне произведения» приводит исследователя к интерпретации, то есть «идеалу дисциплинированного чтения» [там же, с. 8–9]. Согласно точке зрения Роднянской, как в академическом, так и в журнальном контексте пишущий о литературе прежде всего опирается на собственные эстетические и нравственно-философские предпочтения: «...поскольку существует еще мировоззрение самого истолкователя, то, что считает правдой он, — постольку второй этап процедуры [истолкования] — это неизбежное сопоставление истины данного творения, с той истиной, которую исследователь считает объективной, или, если угодно, высшей» [там же, с. 10–11]. Итак, вне зависимости от внешних обстоятельств появления текста, а именно — жанровых рамок и места публикации, значимым для Роднянской остается опора на совокупность субъективных, личностных установок. Такая позиция в большей степени тяготеет к чертам, присущим литературной критике. Данную область литературного творчества, кроме того, отличает наличие полемического компонента. «Критик довольно часто сознательно демонстрирует свой субъективный и полемический пафос, который может быть мотивирован внелитературными доводами и значителен и силен внелитературной правдой и правотой, что принципиально невозможно в литературной науке» [9, с. 107], — характеризует природу критики Штейнгольд.

Возвращаясь к вопросам о том, какой характер носит восприятие Роднянской научного наследия Эйхенбаума, а также какую долю занимают в этой оценке критические и научные составляющие, нам следует заметить, что звучание полемических реплик в рассматриваемых статьях достаточно велико.

Так, анализируя стихотворение Н. А. Заболоцкого «Приблизжался апрель к середине...» в статье «Слово и “музыка” в лирическом стихотворении», Роднянская проводит эксперимент, перелагая поэзию на язык прозы. В результате такого приема была потеряна целостность художественного текста: «...пока последняя фраза “рассказа” пребывала мерной и строфичной, она воспринималась не только как заключительный аккорд, как формальное “мелодическое” разрешение (Б. Эйхенбаум, вероятно, указал бы здесь на итоговый союз “а” со значением “между тем”, предвещающий интонационно-синтаксический “каданс”), но и как сгусток какого-то глубинного итогового смысла» [6, т. 2. с. 379]. Взятое в кавычки слово свидетельствует о скептическом восприятии изуче-

ния художественного целого исключительно с формальной точки зрения. Роднянская неоднократно подчеркивает вклад Эйхенбаума, сделанный им в развитие стиховедения. Примером тому может служить характеристика способа, используемого ученым при рассмотрении стихотворения Пушкина «Цветок засохший...»: «Центральным моментом предпринятого Б. Эйхенбаумом блестящего анализа мелодики этого стихотворения является одно чрезвычайное точное и тонкое наблюдение. После вступительной, экспозиционной строфы начинается интенсивное мелодическое движение. Исследователь отмечает семь интонационных толчков-вопросов во второй строфе. Им соответствуют семь же подобных толчков <...> охватывающих две последние строфы. Мелодическая система обретает замкнутое совершенство. Причем известная асимметрия <...> придает этой системе особенную художественную прелесть. Это — живое наблюдение, идущее не от “предрассуждения”, не от схемы, а от того, что объективно дано, создано Пушкиным» [там же, с. 409]. Вместе с тем Роднянская открыто полемизирует с теми взглядами Эйхенбаума на анализ литературного произведения, которые не соответствуют ее представлениям: «... поскольку Эйхенбаум рассматривает мелодический слой как самоценный, не пытаясь связать его с образным смыслом стихотворения, он обедняет свое наблюдение» [там же, с. 409–410].

В известной статье Роднянской «Демон ускользающий» также содержится элемент полемики со взглядами Эйхенбаума. Здесь оспаривается точка зрения, согласно которой в поэме Лермонтова «Демон» отсутствует единая сюжетная линия. Согласно мнению Роднянской, в книге Эйхенбаума о Лермонтове 1924 г. отстаивается именно такая позиция. «Между тем общеизвестные конспективные записи, сделанные автором “Демона” еще в 1829 году, показывают, что если “Мцыри” начинался с образа <...> то “Демон” многие годы рос, как из зерна, из первой, сразу найденной идеи сюжета» [там же, т. 1, с. 67], — отмечает Роднянская.

Увеличение фрагментов, где критик дискутирует с Эйхенбаумом, здесь сопряжено во многом и с жанровыми модификациями статей: звучание полемических нот в статьях Роднянской увеличивается по мере приближения текста к собственно критическому жанру. Так, в наибольшей степени хотя и в несколько завуалированной форме несогласие критика с позицией Эйхенбаума-стиховеда становится заметно в опубликованной в «Новом мире» статье «И Кушнер стал нам скучен» (ср.: «Со времен Андрея Белого, Томашевского, Эйхенбаума и кого там еще она [наука о стихе] занимается стиховой интонацией на ее собственном, эстетически значимом, уровне <...> При очень большом желании можно в общих

чертах описать интонацию любого поэта, пользуясь подсчетами, схемами, выделяя синтаксические константы и т. п., но делать этого, по-моему, нет смысла, на то нам даны уши» [там же, т. 2, с. 135]). Аналитика и научный способ описания лирических произведений вовсе не отрицаются Роднянской (ср. высказывание критика: «По мне, литературный критик — тот, кто начинает с придирчивого запроса к своему впечатлению и потом проверяет и подкрепляет его запросом к филологическому знанию» [7, с. 6]), возражения направлены на односторонний подход к изучению текста, при котором игнорируется его смысловое наполнение. Внеэрациональное, согласно мнению Роднянской, это неотъемлемый «инструмент» [3, с. 61] литературного критика, а значит и литературоведа при работе с художественным текстом. Изучающий не может ограничиться имманентным разбором оболочки поэтического или прозаического текста, так как «поэтика, форма, как водится, непременно перетекает в суть, в этику самопознания» [6, т. 2, с. 195]. Совокупностью перечисленных воззрений объясняется критический взгляд Роднянской относительно концентрации представителей ОПОЯЗа исключительно на формальной стороне изучаемого объекта.

В рассматривавшихся работах Роднянская выступает не только как литературный критик, но и как теоретик литературы. На необходимое родство этих сфер указывал еще Эйхенбаум (ср.: «Перед литературной наукой (а отчасти и перед критикой, поскольку их связывает теория) встал сейчас именно такой вопрос: литературная современность выдвинула ряд фактов, требующих осмысления, включения в систему» [11, с. 428–429]). Помимо воспринятых Роднянской результатов деятельности ученого в стиховедении и в изучении творчества Лермонтова, представителей разных поколений и научных школ связывает также взгляд на сущность и специфику литературной критики. «Жесткие деления здесь либо плод доктринерства, либо ставят критику в положение информационно-рекламной отрасли на рынке печати, а литературоведение запирают в какой-то отсек, где современности запрещено влиять на оптику исследователя, что вряд ли возможно и к тому же вредно» [6, т. 1, с. 11]. У приведенной цитаты, а также у категоричного отказа Роднянской называть себя писателем [8] немало общего со взглядами Эйхенбаума. Так, по замечанию Е. И. Орловой, Эйхенбаум «уходит от соблазна объявить критику частью собственно литературы», ибо «критика, как и филология, — это не часть литературы, но часть искусства <...> и то и другое нужно искусству» [4, с. 58]. Кроме того, Эйхенбаум определял цель критики следующим образом: «...настоящая критика должна быть

эстетической, критикой формы, критикой того, как сделано. Одним словом — это замечательная критика» [11, с. 496–497]. Можно сделать предположение о том, что обоснование необходимости научной, теоретико-литературной базы в критике и ее неразрывной связи с литературоведением есть влияние позиции Эйхенбаума на суждения Роднянской. В книге «Движение литературы» среди литературных портретов филологов и писателей (С. С. Аверинцева, А. П. Квятковского, С. Г. Бочарова, О. Чухонцева, Д. Быкова, Б. Ахмадулиной и многих других) нет описания жизни и творчества Эйхенбаума. Но значение исследовательского наследия ученого в творчестве Роднянской, а также присутствие прямых и косвенных отсылок к фигуре яркого литературоведа XX в. от этого не ослабевает.

Список литературы

1. Бондаренко М. Текущий литературный процесс как объект литературоведения // Нов. лит. обозрение. 2003. № 62. С. 57–75.
2. Борусяк Л. Из Библиотечного института — в «Новый мир». Беседа с Ириной Роднянской. Электронный ресурс [режим доступа]: <http://polit.ru/article/2010/12/01/godnianskaya/1346326455000/> (дата последнего обращения: 29.09.2017).
3. Володина Н. В., Калинина Е. В. Литературный критик (И. Б. Роднянская) о литературоведении и литературоведах // Вестник Череповецкого государственного университета 2016. № 4. С. 65–70.
4. Орлова Е. И. Б. М. Эйхенбаум как литературный критик (три заметки к теме) // Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции. Материалы Международной научной конференции (Москва, 26–27 ноября 2010 г.) / Под общ. ред. О. А. Клинга и А. А. Холикова. М., СПб.: Нестор-история, 2012. С. 57–66.
5. Роднянская И. Б. Речь по случаю получения Пушкинской премии. Электронный ресурс [режим доступа]: <http://gostinaya.net/?p=2316> (дата обращения: 29.09.2017).
6. Роднянская И. Б. Движение литературы. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. 1, 2.
7. Роднянская И. Б. Мысли о поэзии в нулевые годы. М.: Русский Гулливер, 2010.
8. Сараскина Л. И. Выступление на церемонии вручения Литературной премии Александра Солженицына 2014 года Ирине Бенционовне Роднянской. Электронный ресурс [режим доступа]: <http://www.rp-net.ru/book/premia/2014/saraskina.php> (дата обращения: 29.09.2017).
9. Штейнгольд А. М. Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
10. Штейнгольд А. М. Диалогическая природа литературной критики // Русская литература. 1988. № 1. С. 60–78.
11. Эйхенбаум Б. М. О литературе. М.: Советский писатель, 1987.
12. Роднянская И. Б. Герои лирики Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
13. Роднянская И. Б. Демон ускользающий // Вопросы литературы. 1981. № 5.